

УДК 94(574)+27

ББК 63.3(5Каз)+86.37

**Ежегодные отчеты омских и оренбургских архиереев
Синоду как источник по истории православия
в Степном крае Российской империи
(вторая половина XIX — начало XX в.)***

Ю.А. Лысенко

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**Annual Reports of the Omsk and Orenburg Bishops
to the Holy Synod as a Source of the History of Orthodoxy
in the Steppe Territory of the Russian Empire
(Second Half of the 19th — Early 20th Centuries)**

Yu.A. Lysenko

Altai State University (Barnaul, Russia)

Анализируются структура и информационный потенциал ежегодных отчетов о состоянии Оренбургской и Омской епархий Святейшему Синоду, подготовленных с 1870 по 1917 г. Подчеркивается, что данный комплекс делопроизводственной документации является уникальным источником по истории Русской православной церкви в центральноазиатских окраинах Российской империи и отражает фактически все сферы жизни и деятельности епархий, их институциональное и административно-территориальное развитие, процессы благочиннического, церковно-приходского, церковно-школьного, монастырского строительства. Информационные возможности отчетов позволяют реконструировать целый спектр социальных, экономических, демографических, миграционных процессов, проходивших в пределах той или иной епархии. Именно поэтому епархиальные отчеты автор относит к типу делопроизводственной документации «смешанного типа» на том основании, что в них содержится информация нормативного, нарративного и статистического характера. Анализ отчетов о состоянии Оренбургской и Омской епархий позволяет сделать вывод о том, что 80-х гг. XIX в. — первое десятилетие XX в. стали периодом активного развития на территории Степного края институтов и административно-территориальной системы управления Русской православной церкви. Во многом это зависело от резкого увеличения численности православного населения в регионе, связанного с массовой крестьянской миграцией.

Ключевые слова: Российская империя, Омская епархия, Оренбургская епархия, Степной край, отчеты о состоянии епархий.

The article analyzes the structure and information potential of the annual reports on the conditions of the Orenburg and Omsk dioceses to the Holy Synod, prepared since 1870 to 1917. It is emphasized that this set of paperwork is a unique source on the history of the Russian Orthodox Church in the Central Asian outskirts of the Russian Empire and reflects virtually all spheres of life and activities of the dioceses, their institutional and administrative-territorial development, processes of the deanery, church, parish, church and monastery construction. The information capabilities of the reports make it possible to reconstruct a whole range of social, economic, demographic, and migration processes that took place within the boundaries of a particular diocese. That is why the author assigns diocesan reports to the type of “mixed type” paperwork on the basis that they contain information of a normative, narrative and statistical nature. Analysis of reports on the state of the Orenburg and Omsk dioceses allow us to conclude that the 1880s the first decade of the 20th century began a period of active development in the Steppe Territory institutions, the administrative-territorial management system of the Russian Orthodox Church. This was largely due to a sharp increase in the number of Orthodox population in the region, mediated by mass peasant migration.

Key words: the Russian Empire, the Omsk diocese, the Orenburg diocese, the Steppe Territory, reports on the status of dioceses.

DOI 10.14258/izvasu(2020)3-12

---

* Работа выполнена за счет средств гранта РФ (проект №19-18-00023).

Реконструкция истории институционального развития Русской православной церкви в Центральноазиатском регионе Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. невозможна без привлечения церковной документации, центральное место в которой по праву принадлежит годовым отчетам архиепископов о состоянии вверенных им епархий. Данный тип источника относится к категории отчетного делопроизводства, отражающего процесс консисторского, благочиннического, церковно-приходского развития епархий [1, с. 138–141].

Следует отметить, что в синодальный период характерной чертой постановки церковного делопроизводства являлась его регламентация на законодательном уровне. Как отмечает в связи с этим А.В. Спичак, «именные указы, указы сената и синода ... совершенствовали формы и порядок создания, оформления, ведения документов». На протяжении XVIII–XIX вв. осуществлялась стандартизация документации, формировался упорядоченный документооборот и системная организация деловой письменности. В итоге были установлены правила оформления, типовые формы и образцы всех видов церковных документов [2, с. 21].

В полной мере законодательная регламентация и стандартизация затронули архиерейские отчеты о состоянии епархий, направлявшиеся в Синод. На протяжении XVIII — 30-е гг. XIX в. на основании Духовного регламента 1737 г. они готовились епископами дважды в год. С августа 1832 г. и до конца имперского периода периодичность предоставления отчетов о состоянии епархий сократилась до одного в год. В основе отчетов находились статистические и иного рода сведения, предоставляемые благочинными и приходскими причтами [3, с. 591–592].

В синодальный период усложнялась и структура отчетов. К середине XIX в. она была представлена следующими разделами:

1. Устройство и состояние управления в епархии (анализ процессов административно-территориального развития епархии);
2. Обзорение епархии (описание поездок епископа по приходам);
3. Монастыри (динамика монастырского строительства, экономическое развитие монастырей и т.д.);
4. Церкви (статистика церковно-приходского развития, открытия/закрытия/упразднения церквей, кадровое обеспечение причтов);
5. Духовенство (кадровое развитие епархии, образовательный уровень, оценка профессионализма и нравственного состояния епархиального духовенства);
6. Паства (анализ религиозно-нравственного состояния паствы);

7. Катехизисные поучения (сведения о программе внебогослужебных собеседованиях, их содержании);

8. Училища (информация по церковно-школьному развитию епархии, количеству учителей и учащихся, характеристика образовательных программ, методической, учебной и материально-технической оснащенности школ);

9. Разные сведения и замечания (например, распределение членов причта по образовательному цензу);

10. Общий взгляд на состояние епархии (анализ проблем и перспектив дальнейшего развития епархии).

К отчетам о состоянии епархии прилагались учетные документы и статистические таблицы, установленные указом от 23 ноября 1865 г.

В то же время следует отметить, что архиепископы довольно часто в процессе подготовки отчетов отходили от стандартизированной структуры и вводили дополнительные разделы, отражавшие специфику и особенности епархиальной жизни в регионе. Так, например, в отчетах в состоянии Омской епархии присутствовали разделы «Миссионерская деятельность», «Раскол и сектанство в епархии», «Состояние миссии».

Анализ структуры отчетов архиереев о состоянии епархий позволяет сделать вывод о том, что данный комплекс церковных документов отражал фактически все сферы жизни и деятельности епархии, ее институциональное и административно-территориальное развитие. Их информационные возможности позволяют реконструировать целый спектр социальных, экономических, демографических, миграционных процессов, проходивших в пределах той или иной епархии.

В отечественной историографии ежегодные архиерейские отчеты Синоду как исторический источник стали вводиться в научный оборот сравнительно недавно. Это объясняется господством в 30–80-х гг. XX в. идеологии научного атеизма и существованием негласного запрета на исследования истории Русской православной церкви. Только в конце столетия были признаны информационные возможности огромного пласта церковной документации и начаты работы по ее изучению и привлечению к реконструкции региональной истории РПЦ. Проблема классификации и систематизации церковных источников, в том числе ежегодных отчетов архиереев, получила освещение в исследованиях А.В. Пашинина, В.И. Корнилова, Е.Е. Князевой, Т.В. Судник и ряда других исследователей [4–7]. Ученые относят епархиальные отчеты к типу делопроизводственной документации «смешанного типа» на том основании, что в них содержится информация нормативного, нарративного и статистического характера. В ряде работ А.В. Спичак представлена попытка анализа структуры епархиальных отчетов, выявления общих и особенных тенденций в их содержании и оформлении [2, с. 21].

С начала XXI в. в отечественной историографии ежегодные отчеты архиереев Святейшему Синоду, наряду с другими массовыми церковными источниками, стали активно привлекать для воссоздания истории православия и Русской православной церкви в отдельных регионах Российской империи. Исследователи использовали данный тип источника для анализа положения православной церкви в Азиатской России, ее институционального и административно-территориального развития, миссионерской, религиозно-просветительской, научно-исследовательской работы, образа жизни православного духовенства, его взаимоотношений с клиром и т.д. [8–14].

Однако при этом отдельных исследований, посвященных изучению истории РПЦ в регионах Российской империи с привлечением исключительно ежегодных отчетов архиереев, крайне мало. В качестве примера можно назвать работу Филарета Пряшниковца, игумена Свято-Троицкой Александро-Невской лавры, в которой автор использовал отчеты епархиальных архиереев для реконструкции процесса становления православия на Сахалине и Камчатской епархии [15]. Представленная статья ставит своей целью восполнить историографический пробел и привлечь отчеты омских и оренбургских епархиальных властей к анализу истории РПЦ в центральноазиатских окраинах Российской империи.

Источниковой базой статьи выступили собственно отчеты епархиальных архиереев Омской и Оренбургской епархий, отложившиеся в фондах Российского государственного исторического архива. Кроме этого, полные тексты отчетов публиковались на страницах церковных периодических изданий — Оренбургских и Омских епархиальных ведомостей. Отчеты о состоянии Оренбургской епархии стали готовиться епархиальными властями с 1859 г. — момента выделения ее из состава Оренбургско-Уфимской епархии. Именно с этого периода она приобрела не только новые географические очертания, но и получила возможность создать автономную благочинническую и приходскую системы, собственные административные центры духовного руководства. Проанализированные автором статьи отчеты оренбургских архиереев с 60-х гг. XIX в. по 1914 г. позволяют утверждать, что, в целом, они соответствовали утвердившейся структуре, были значительны по объему и, соответственно, информативности.

В 1895 г. в связи с образованием Омской епархии стали составляться отчеты и о ее развитии. Однако в первые годы функционирования епархии направляемые ею в Синод архиерейские отчеты не соответствовали общепринятой структуре и были краткими по содержанию. Это объяснялось переходным периодом, связанным с передачей Омской епархии при-

ходов и благочиний Тобольской и Томской епархий и становлением системы ее административно-организационного и территориального управления. Только к началу XX в. епархиальным властям удалось наладить механизм сбора необходимой для отчетов информации через священников благочиннических округов и приходских священников. Это позволило привести размещаемые в отчетах сведения к общеимперским синодальным стандартам.

Выше уже отмечалось, что омские и оренбургские архиереев нередко в процессе подготовки отчетов отходили от их шаблонной структуры и вводили дополнительные разделы. Последние отражали региональные особенности этноконфессиональной ситуации и, соответственно, специфику епархиальной жизни и деятельности ее административных органов.

Образование Оренбургской и Омской епархий было связано с завершением присоединения в 60–70-х гг. XIX в. центральноазиатских окраин — Степного края и Туркестана — к Российской империи. Реализация ею целой серии административно-территориальных реформ, направленных на интеграцию региона в общеимперское политико-правовое, социально-экономическое пространство, крестьянская колонизация степных областей способствовали резкому увеличению численности православного населения и его повсеместному расселению. Особенности государственной стратегии переселения, учитывавшей природно-климатические характеристики Степного края, потенциал земельных ресурсов, привели к тому, что наиболее активно переселенцами осваивались Семипалатинская, Акмолинская, Тургайская, Семиреченская области. Туркестанский край был долгое время официально закрыт для переселений. Важной тенденцией формирования православного населения центральноазиатских окраин в 80-х гг. XIX — начале XX в. также стал и тот факт, что оно сопровождалось увеличением численности старообрядческих и сектантских общин. Последние пополнялись как за счет естественного прироста, так и благодаря крестьянской миграции. Крупнейшими центрами старообрядчества являлись Уральская и Семипалатинская, сектантства — Акмолинская и Семипалатинская области [16, с. 45–55].

Таким образом, перед епархиальными властями Оренбургской и Омской областей ставилась задача формирования ускоренными темпами церковно-приходской и благочиннической системы для предоставления возможности с каждым годом увеличивающемуся в Степном крае православному крестьянству удовлетворения религиозных потребностей. Отчеты Оренбургских и Омских архиереев позволяют реконструировать процесс решения данной фундаментальной задачи.

Анализ отчетов о состоянии Оренбургской и Омской епархий позволяет утверждать, что их руководство центральное место в своей работе уделяло административно-территориальному развитию епархий, как можно большему охвату районов проживания православного населения благочиннической и церковно-приходской системой. Представленные в отчетах статистические данные свидетельствуют о положительной динамике данных процессов. Так, согласно отчетам оренбургских духовных властей, на момент учреждения Оренбургской епархии в 1859 г. в ее состав вошли 142 церкви, объединенные в 13 благочиний. Семь из них располагались на территории Оренбургско-Орского уезда, по два благочиния — в Троицком и Челябинском уездах, одно — в Верхнеуральском уезде. 13-е благочиние охватывало Уральскую область (20 церквей), Тургайскую область (две церкви) и Сыр-Дарьинскую укрепленную линию (две церкви) [17, л. 18–19об.]. В 1860 г. 13-е благочиние было разделено на три самостоятельных: первое объединило православное население Уральска и Верхнеуральской укрепленной линии, второе благочиние — Нижнеуральскую линию от форпоста Бударинского до города Гурьева, третье — выделенное в самостоятельное Туркестанское благочиние.

В 1871 г. был подписан указ об образовании Туркестанской епархии. После ее институционального оформления церкви Сыр-Дарьинской линии, находившиеся в ведении Оренбургских епископов, были переданы в ее компетенцию. К этому времени здесь насчитывалось 13 церквей: две в Ташкенте, по одной в Чиназе, Чимкенте, Туркестане, Перовске, Казалинске, крепости Аулие-Ате, Самарканде, Ходженте, в укреплениях Ура-Тюбе, Ката-Курган и одна церковь на Мангышлаке в форпосте Александровском [16, с. 51].

Несмотря на передачу Сыр-Дарьинской области Туркестанской епархии, на протяжении 80–90-х гг. XIX в. в Уральской и Тургайской областях продолжался рост численности благочиний и приходов Оренбургской епархии. В начале XX в. в ее составе насчитывалось 46 благочиний, из них на территории Уральской области функционировало семь благочиний, в Тургайской области — два. Благочиния Уральской области составляли: благочиние градоуральских православных церквей (пять церквей), благочиние градоуральских единоверческих церквей (9 церквей), благочиние монастырских церквей (2 церкви), благочиния №23 (14 церквей), благочиние №24 (14 церквей), благочиние №25 (13 церквей), благочиние №26 (6 церквей). В Тургайской области: благочиние градокустанайских церквей (4 церкви) и первый кустанайский благочиннический округ (12 церквей). Всего в начале XX в. на территории двух областей насчитывалось 77 церквей [18, л. 8об.].

Открытие Омской епархии в 1895 г. сопровождалось передачей в ее состав 57 церквей, расположенных на территории Акмолинской и частично Семипалатинской области, четырех церквей Тюкалинского округа, трех церквей Каинского округа и двух церквей Барнаульского округа Томской губернии, 31 церкви Тарского и 19 церквей Ишимского округа. Всего, таким образом, в состав новой епархии должны были войти 173 церкви, входившие ранее в Томскую и Тобольскую епархии. К этому периоду православное население Петропавловского уезда Акмолинской области было объединено в 12 приходов, Кокчетавского уезда этой же области — в восемь, Омского уезда Акмолинской области — пять приходов. На территории Атбасарского и Акмолинского уездов Акмолинской области действовало по одному приходу [19, л. 16–17об.].

Массовая миграция православного крестьянского населения в пределы Степного края и Омской епархии объективно способствовала росту численности благочиний и приходов на их территории. Так, согласно архиерейским отчетам, в 1903 г. в Омской епархии насчитывалось 27 благочиний и 287 приходов. К 1908 г. их число увеличилось до 31 и 321 соответственно [20, л. 1об.–25].

Несмотря на положительную динамику роста численности благочиний, приходов и церквей, даже в начале XX в. омские и оренбургские епископы отмечали, что «излишних церквей в епархии нет, напротив, ощущается потребность в умножении оных по обширности епархии вообще по многолюдству некоторых приходов, и в частности по отдаленности некоторых деревень от своего приходского храма». Они отмечали отставание темпов церковно-приходского строительства от темпов прироста числа православных крестьян-переселенцев. Епископ Владимир в 1902 г. в своем отчете отмечал, что в Омской епархии нередкость, что «в состав одного и того же прихода входят десятки селений, раскинутых иногда чуть ли не на сотни верст. Так, например, к приходу Абатскому, Ишимского уезда, приписано 20 деревень, к Кейзескому, Тарского уезда — 20 деревень, к Чумашевскому Барнаульского уезда — 15 деревень, к Маслянскому, Ишимского уезда — 15 деревень, к Седельниковскому Тарского уезда — 32 деревень. Расстояние между деревнями и приходским храмом достигло 50–100 км. Селения Сенновского прихода Змеиногорского уезда располагались в 30–140 км от приходского храма» [20, л. 19об.].

Главная причина сложившейся ситуации — отсутствие у православных обществ финансовых возможностей для строительства церквей и приглашения в них причтов. Как свидетельствуют архиепископские отчеты, средства на строительство церквей в Степном крае во второй половине XIX — начале XX в. посту-

пали из нескольких источников — в виде пособий от Благотворительного общества им. императора Александра III, государственной казны или Синода. Это также могли быть личные пожертвования императора Николая II или населения Степного края. Некоторая часть церквей сооружалась на средства местных жителей. Однако данных пожертвований не хватало. Епархиальные власти также не имели в своем распоряжении «особых сумм на этот предмет». Поэтому они ограничивались «выдачей книг для сбора пожертвований и предложением поселенцам устроить у себя на первых порах часовню или молитвенный дом, чтобы впоследствии для совершения Божественной литургии можно было пристроить к тому дому алтарь» [18, л. 15об.].

По отчетам о состоянии епархий следует, что при приходских церквях Омской и Оренбургской епархий функционировали богадельни и больницы, формировались библиотеки, которыми пользовались причты и прихожане. При церквях также функционировали церковно-приходских попечительства, в компетенцию которых входило «украшение храмов Божьих, обновление церковных иконостасов, приобретение для местных церквей Святых икон и колоколов, устройство причтовых домов, приобретение одежды и обуви для бедных и сирот своего прихода, содержание церковно-приходских школ». Однако следует отметить, что в Омской епархии процесс открытия церковно-приходских попечительств отставал по темпам от Оренбургской епархии. В начале XX в. в Оренбургской епархии они имелись фактически в каждом из приходов, в то время как в Омской епархии их насчитывалось 106 (менее половины приходов) [18, л. 10–11об.].

Управление благочиниями и приходами осуществлялось епархиальными властями на основании общеимперского законодательства. В первом разделе отчетов о состоянии Оренбургской и Омской епархий помещали анализ административных органов управления епархией, что позволяет нам представить себе их структуру. Так, в 1900 г. Оренбургская епархия управлялась «лично Епископом Владимиром, и при посредстве Духовной консистории и благочинных с Благочинническими советами». «Вспомогательными органами управления» являлись «Попечительство о бедных духовного звания, Комитет по управлению Оренбургским епархиальным свечным заводом, Миссионерский комитет, Братство Святителя Архангела Михаила и Епархиальный училищный совет с отделениями его во всех уездных городах» [18, л. 2–4об.]. Административно-управленческие органы Омской епархии были фактически идентичны.

Благочинные осуществляли надзор за причтами церквей и приходов посредством делопроизводительной переписки с ними и «непосредственного

обозрения церквей дважды в год». Сергей, епископ Омский и Семипалатинский, отмечал, что значительные по площади размеры Омской епархии затрудняли благочинным священникам совершать надзор за благочиниями, состоянием церквей, благоповедением служащих причтов, религиозно-нравственным состоянием прихожан. В отчете за 1902 г. он отмечал, что нередко «благочинному, чтобы посетить вверенные его смотрению 5–10 церквей, приходится проехать более 1000 верст и все на лошадях» [20, л. 8–9]. В процессе надзора за причтами помощь благочинным оказывали Благочиннические советы. Они осуществляли испытание низших членов клира в знании ими обязанностей по своей должности, разбирали спорные вопросы по разделу братских доходов, заявления младших членов причта о невнимании старших к их нуждам [18, л. 15].

Действенным механизмом улучшения управления епархиями Степного края с начала XX в. стали епархиальные съезды. По сообщению омских архиереев, они проводились несистематично — в 1896, 1899, 1902, 1905, 1907 гг. На них обсуждались вопросы развития духовно-учебных заведений, содержания детей духовенства в заведениях других епархий, деятельности антиисламских, антистарообрядческих миссий и т.д. [21, л. 1–11об.].

Огромное внимание в отчетах о состоянии епархий омские и оренбургские епископы уделяли кадровому вопросу и уровню профессиональной подготовки священно-церковнослужителей. Данная информация размещалась в пятом разделе отчетов. Оренбургские епархиальные власти оценивали уровень просвещения духовенства Оренбургской епархии как «удовлетворительный». «Хотя в епархии и много священников, не получивших богословского образования, — отмечалось в отчете за 1900 г., — но в общем все же преобладают окончившие курс в Духовных семинариях» [18, л. 24об.–27]. Данный факт позволял им профессионально выполнять свои обязанности — проводить богослужение и внебогослужебные беседы, назидание паствы, организовывать учебный процесс в церковно-приходских школах и т.д.

В Омской епархии, как следует из архиерейских отчетов, напротив, «духовенство... в значительной части своей страдало отсутствием достаточного образовательного ценза и это приходится сказать не только относительно низких членов клира, но и относительно настоятелей сельских церквей». В условиях кадровой проблемы епархиальным властям на должности церковнослужителей приходилось принимать «лиц иноепархиальных», «по предварительной переписке с прежним начальством просителей и по получении сведений о несудимости и благонадежности их». Однако часто оказывалось, что «желание перейти на службу в Сибирь появляет-

ся у просителей под опасением подвергнуться ответственности за какой-нибудь содеянный уже, но еще не обнаружившийся проступок, причем решимость покинуть родину поддерживается тою успокоительною надеждою, чтобы потом ни случилось, а дальше Сибири уже не сошлют». Результатом данной ситуации было значительное количество должностных нарушений со стороны священников. Всего, по данным епископа Владимира, в течение 1901–1902 гг. в Омской епархии были подвергнуты разного рода наказаниям 35 священников и 13 дьяконов, причем один священник был наказан трижды и пять человек — дважды; за то же время за разные проступки против должности и поведения были присуждены к разного рода наказаниям 11 псаломщиков [20, л. 11об.].

В отчетах о состоянии Омской епархии епископы анализировали кадровую проблему и признавали наличие нескольких ее причин. К их числу они относили обширность территории епархии, отсутствие собственной духовной семинарии, «непрестанное открытие и постройку новых церквей и открытие новых приходов» [20, л. 13об.]. Епископами предпринимался широкий спектр мер, направленных на решение кадровой проблемы. По данным отчетов уровень образования священников Омской епархии неизменно возрастал, но все-равно оставался низким. Так, к 1908 г. окончивших полный курс духовной семинарии в епархии начитывалось не более 43% от общей численности всех священников.

И омские, и оренбургские епископы в своих отчетах отмечали недостаточно высокий уровень материального состояния «большинства приходского духовенства по скудости получаемых им от прихожан материальных средств». Наиболее сложным было положение православного духовенства Уральского казачьего войска, приходы которого были «вообще малочислены и заражены расколом». Заниматься земледелием причты приходов Уральской области также не имели возможности из-за «скудости земли». Жалование они получали из войсковых сумм Уральского казачьего войска, размер которого составлял от 150 до 180 руб. священникам, диаконам — от 100 до 120 руб. и псаломщикам — от 60 до 80 руб. в год [20, л. 41об.–44]. Аналогичная ситуация складывалась в Бухтарминском крае Семипалатинской области, где «материальное благосостояние духовенства ухудшалось из года в год». Причиной выступала агитация старообрядцев, направленная против священства. Тем не менее, по мнению омских архиереев, в Омской епархии материальное обеспечение духовенства можно было считать удовлетворительным. По их данным, в некоторых приходах священники получают от 1000 руб. до 2500 руб. в год [21, л. 49].

В пятом разделе архиерейских отчетов анализировался уровень религиозно-нравственного состо-

яния паствы. Он оценивался по нескольким параметрам: состояние знания прихожанами начальных истин веры, заповедей и молитв; отношение прихожан к исполнению долга исповеди и святого причастия; отношения прихожан к духовенству; количество отклонений в раскол или сектантство.

Практически во всех отчетах о состоянии епархии омские епископы констатировали факт низкого религиозно-нравственного уровня православного населения. Ими подчеркивалось, что сибирские казаки, крестьяне-старожилы и крестьяне-переселенцы «к религии относились холодно; они редко посещали богослужения; они не чувствовали не только привязанности, но даже и расположения к Храму Божию, неохотно исполняли христианский долг, а к обрядам православной церкви относились почти безразлично» [21, л. 18об.]. Для подтверждения данного тезиса епископы ссылались на количественные данные, предоставляемые в отчетах благочинных. Так, из исповедальных ведомостей за 1902 г. следовало, что данный христианский долг исполнили около 57%, у исповеди и Святого причастия не были «по опущению около 15, 33% всего населения епархии» [20, л. 1об.–25].

Для повышения религиозно-нравственного уровня прихожан епархиальные власти предпринимали различные меры. Приходские священники проводили внебогослужебные беседы, организовывали работу церковно-приходских школ и вечерних школ для взрослых, формировали библиотечные фонды при церквях и школах, учреждали различные общества религиозно-просветительского характера. Тем не менее вплоть до конца имперского периода епархиальные власти продолжали констатировать в своих отчетах отход населения от жизни православной общины, падение общего религиозно-нравственного уровня [18, л. 43].

Отдельный раздел архиерейских отчетов позволяет реконструировать процесс церковно-школьного строительства в Омской и Оренбургской епархиях. Управление церковно-приходским образованием находилось в ведении Епархиальных училищных советов. На их средства фактически развивалась и содержалась данная система. Кроме этого, деньги на строительство школ довольно часто поступали от частных лиц и благотворительных обществ. Например, в 1900 г. население Акмолинской области пожертвовало на содержание церковных школ одними деньгами 69439 руб. 95 коп. Сельские общества региона, по сообщениям епархиальных властей, часто обращались «с ходатайствами об открытии новых церковных школ и о постройке новых собственных школьных зданий с ассигновкой от общества значительных на это дело собственных сумм при обязательстве подвозить строительный материал к месту построек, изготовлять за общественный счет земляные работы, страховать, ремонтировать,

отоплять школы, отвести под школу достаточное количество усадебного места и давать учителю или учительнице добавочное вознаграждение» [18, л. 44об.–45].

Общей тенденцией для Оренбургской и Омской епархий являлось то, что церковно-школьное строительство осуществлялось параллельно с церковно-приходским. Поэтому в целом рост церковных образовательных учреждений в областях Степного края осуществлялся значительными темпами. На 1 января 1901 г. в Оренбургской епархии церковных школ насчитывалось 602, из них в Уральской области 20 церковно-приходских и 40 школ грамоты; в Тургайской области — одна второклассная, 8 церковно-приходских и 31 школа грамоты. В числе учащихся были и нехристиане: в Петропавловской школе — 9 евреев и трое мусульман, детей раскольников в церковных школах обучалось 156 человек [20, л. 23].

Тем не менее епархиальные власти признавали наличие проблем, препятствующих полноценному развитию церковно-школьной системы. Епископы в своих отчетах предлагали комплекс мер к их преодолению. В частности, они считали необходимым прилагать меры к улучшению материально-технической базы школ, поиску новых финансовых источников для строительства новых школьных зданий, для отдаленных районов предлагалось открытие передвижных школ грамоты, повышение заинтересованности учителей в работе в церковно-приходских школах посредством повышения годовых окладов, улучшения для них жилищных условий. Как следует из отчетов, епархиальные власти прилагали усилия для улучшения качества училищного надзора посредством увеличения штата уездных училищных наблюдателей при Епархиальном училищном совете [18, л. 46].

Наряду с активизацией благочиннического, церковно-приходского и церковно-школьного строительства в Степном крае в конце XIX — начале XX в. местные епархиальные власти развернули широкую работу по организации миссионерской работы среди мусульманского, старообрядческого и сектантского населения. Данные меры были связаны со значительным распространением раскола и сек-

тантства в епархиях, а также с ростом исламизации казахского населения. В соответствующем разделе отчетов приводится информация о деятельности епархиальных миссионерских структур — епархиальных комитетов Православного миссионерского общества, киргизских антисектантских, антистарообрядческих миссий Оренбургской и Омской епархий [21, л. 24об.–25]. Данная информация позволяет проследить локализацию старообрядческих и сектантских общин в областях Степного края, провести их классификацию и институциональную организацию, численность, основные виды экономической деятельности, формы и методы религиозной пропаганды, которую они проводили. Так, например, сектантство в Омской епархии было «занесено выходцами из губерний: Самарской, Тамбовской, Киевской, Астраханской, Таврической, Харьковской, Полтавской, Екатеринославской, Могилевской и др.» Общее число сектантов в епархии в 1908 г. составляло приблизительно 4405 человек. «По характеру вероучения они распределяются: на штундистов — 85 душ, штудно-баптистов — 1926 душ, молокан уклеинского толка — 2330 душ, субботников — 12 душ, меннонитов — 12 душ, подозреваемых в принадлежности к хлыстовществу — 37 душ, духоборов — 2 душ, адвентистов — 1 душа и иоаннитов неизвестное количество». Раскольников-старообрядцев в Омской епархии насчитывалось 29540 человек, «из коих приемлющих Австрийского священства — 6200 душ, беглопоповцев — 2127 душ, остальные 20213 душ — все беспоповцы поморского и федосеевского толка, с подразделением на мелкие толки и согласия: нетовцев, стариковцев, филипповцев, спасовцев, немоляк и т.п. Главные центры старообрядцев — Бухтарминский край — до 11000 душ, и Тюкалинский уезд (Тобольской губернии) — 7634 душ» [21, л. 27об.–30].

На основе отчетов о состоянии епархий представляется возможность реконструировать структуры православных миссий Оренбургской и Омской епархий, проследить основные направления их деятельности, выявить источники ее финансирования, также определить комплекс проблем, оказывавших влияние на эффективность работы миссий.

Библиографический список

1. Спичак А.В. Классификация документальных источников по истории приходских церквей Тобольской епархии XVIII — начала XX в. // Вестник Томского гос. ун-та. № 410. 2016.
2. Спичак А.В. Особенности документирования деятельности приходских церквей Сибири в XVIII — начале

XX века (на материалах Тобольской епархии) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 2.

3. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. VII. СПб., 1832.

4. Корнилова В.И. Материалы церковного делопроизводства как источники по генеалогии православного духовенства Прикамья (на примере семьи Кудрявцевых) // Альманах современной науки и образования. 2012. № 8 (63).
5. Князева Е.Е. Метрические книги Санкт-Петербургского консисториального округа как источник по истории лютеранского населения Российской империи XVIII — начала XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004.
6. Пашинин А.В. Статистические источники по генеалогии крестьянских родов (семей) конца XVII — начала XX в. в фондах Государственного архива Республики Бурятия : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2015.
7. Судник Т.В. Документы православных церквей Тобольской губернии как исторические источники о жизни населения губернии // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Нижневартовск, 2009. Ч. 4.
8. Адаменко А.М. Приходы Русской православной церкви на юге Западной Сибири в XVII — начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1998.
9. Есипова В.А. Ставленнические дела священников и диаконов Томской епархии второй половины XIX в. как исторический источник // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. Новосибирск, 1998.
10. Овчинников В.А. Православные монастыри, архиерейские дома и женские общины Томской епархии во второй половине XIX — начале XX вв. Кемерово, 2002.
11. Устьянцева О.Н. Томская епархия в конце XIX — начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2003.
12. Караваева Е.В. Санитарно-просветительная и медицинская деятельность Русской православной церкви среди сельского населения во второй половине XIX — начале XX в.: по материалам Томской епархии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011.
13. Лысенко Ю.А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX — начало XX в.). Барнаул, 2010.
14. Софронов Ю.В. Три века сибирского миссионерства. Тобольск, 2005. Ч. 3.
15. Пряшников Филарет. Отчеты епархиальных архиереев как источник сведений о процессе становления сахалинского православия (по материалам Камчатской духовной консистории). URL: <http://archive.bogoslov.ru/text/print/5571130.html> (дата обращения: 13.02.2020).
16. Лысенко Ю.А. Очерки истории Русской православной церкви в Казахстане (XVIII — начало XX в.). Барнаул, 2011.
17. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 889.
18. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1851.
19. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1681.
20. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1965.
21. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2287.